

А. С. Русяева

О ДОСТОВЕРНОСТИ СВИДЕТЕЛЬСТВ ДИОНА ХРИСОСТОМА И О ВАРВАРАХ В ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

Статья посвящена в основном дискуссионным и все еще неоднозначно решаемым в научной литературе вопросам о взаимосвязанных между собой событиях и разных датах: визит Диона Хрисостома в Ольвию, чтение «Борисфенитской речи» в Прусе и в соответствии с этим определение учеными времени гетского нашествия. На основе имеющихся данных предполагается, что дату визита Диона в Ольвию можно использовать как один из хронологических критериев более глубокого понимания того, какие кардинальные преобразования произошли в конце I – начале II в. в политической и религиозной жизни ольвиополитов вскоре после его отъезда в связи с появлением носителей негреческих, преимущественно ирано-сарматских имен не только в этническом составе ее гражданской общины, но и среди элитарной правящей прослойки общества.

Ключевые слова: Дион Хрисостом, «Борисфенитская речь», Борисфен, Ольвия, борисфениты, ольвиополиты, гражданская община, иранские имена, сарматы, после-гетский период.

Для исследователей Ольвии Понтийской неоспоримым является тот факт, что вступительная часть «Борисфенитской речи» известного ритора и философа Диона Хрисостома имеет чрезвычайно важное значение для изучения ее истории и культуры после гетского разгрома. Это единственный из античных авторов, кто посетил этот город в один из самых трудных периодов его существования, оставив о нем собственные наблюдения и впечатления. Ссылки на его речь (XXXVI) стали уже традиционными в многочисленных работах, в той или иной мере касающихся как городов Северо-Западного Причерноморья, так собственно Ольвии и гетов второй половины I в. до н.э. – I в. н.э.¹ В целом рассказ Диона об Ольвии и ее гражданах, с которыми он беседовал и перед которыми выступил с речью, признается во многих его аспектах реальным и не вызывает сомнения у тех ученых, кто хорошо знает ее материальную и духовную культуру; кто проводил и проводит на ольвийском городище археологические раскопки или хотя бы ознакомился на месте и сравнил архитектурные остатки VI–II вв. до н.э. и первых веков нашей эры, осознал и воочию увидел, насколько территория возрожденного города сократилась, какой район возвратившиеся ольвиополиты² избрали для заселения

Русяева Анна Станиславовна – доктор исторических наук, профессор. Институт археологии НАН Украины.

¹ Полный обзор историографии по изучению разных вопросов и с разных точек зрения «Борисфенитской речи» не входит в задачу настоящей статьи. Основные взгляды ученых, рассмотренные по ходу затронутых в ней свидетельств Диона об Ольвии и их истолкований, представлены в сносках на известные автору работы и в Литературе.

² Под общим демотиконом «ольвиополиты» здесь и дальше имеются в виду граждане Ольвии, а не все слои ее населения.

и на каком расстоянии от него стояли упомянутые ритором уцелевшие оборонительные башни эпохи эллинизма³.

Однако всем вышесказанным еще не утверждается то, что абсолютно все вопросы из рассказа Диона об Ольвии однозначно решены в научной литературе или окончательно будут решены в настоящей статье. Отдельные сведения все же мало согласованы с другими источниками культурно-исторического развития Ольвии последних двух десятилетий I – начала II в. н.э. Остается точно не выясненным, летом какого года и по какой причине посетил ее вифинской ритор. Если его впечатления об увиденном и услышанном действительно отражены хотя бы кратко во вступлении написанной им речи, то в ней можно найти отдельные реальные свидетельства о том, что представляли собой этот город и гражданская община в то время. Вместе с этим датой посещения Дионом Ольвии можно использовать и как своего рода точку отсчета нового этапа в ее историческом развитии, т.е. как один из хронологических критериев более глубокого понимания того, какие кардинальные изменения произошли в ее этническом составе, политической и религиозной жизни вскоре после его отъезда. В общем, исходя из всего сказанного, основная цель статьи заключается в рассмотрении все еще дискуссионных и неоднозначно решаемых вопросов о времени визита Диона в Ольвию, достоверности его рассказа об этом городе и последующих вскоре после его отъезда этнополитических преобразованиях, о которых он, очевидно, ничего конкретного уже не узнал.

Как известно, до сих пор в историографии имеется немало различий и разногласий в истолковании всего текста «Борисфенитской речи», отсутствует единство и в понимании Дионовых сообщений, непосредственно касающихся Ольвии и этнического состава ее гражданской общины. Поэтому целесообразно с самого начала более подробно остановиться на взглядах тех ученых, кто не сомневался в их достоверности: главным образом Ю.Г. Виноградова, как историка, а также С.Д. Крыжицкого и В.В. Крапивиной, как археологов, посвятивших Ольвии специальные монографические исследования⁴.

Виноградов принадлежал к тем ученым, кто не только принимал участие в раскопках этого города и неоднократно посещал его, знакомясь с ежегодными открытиями, но и скрупулезно исследовал многочисленные и разновременные эпиграфические источники, что дало возможность создать пока единственную в своем роде оригинальную работу о политической истории Ольвийского полиса. Ее издание планировалось им к столетию со дня выхода в свет основополагающего и самого значительного в XIX в. труда В.В. Латышева об истории и государственном строе города Ольвии⁵. В нем получили тогда достаточно подробное освещение свидетельства из рассказа вифинского ритора о греческом городе на берегу Ги-

³ Как ни странно, но до сих пор в научной литературе встречаются ошибочные размещения Ольвии, например, на «месте села Парутино» (Древняя Русь, 2009, 135, прим. 4) или в Крыму (см. Браунд 1999, 271, прим. 1). Между тем уже со времени ее локализации в 1794 г. общепризнано, что архитектурные и археологические остатки города находились и находятся на незастроенной территории – за исключением нескольких сооружений специального назначения – непосредственно к югу от с. Парутино и отделены от него Северной балкой. Только небольшая часть ольвийского некрополя открыта на территории этого села (Козуб 1984, 160, 162, 168–169).

⁴ Виноградов 1989; Крыжицкий 1985; Крапивина 1993. В связи с тем, что статья посвящена памяти Ю.Г. Виноградова, его работам уделяется больше внимания, чем остальным.

⁵ Виноградов 1989, 3–6, прим. 4.

паниса⁶. Виноградов высоко ценил Латышева за добросовестность обращения с источниками, глубину анализа текстов, широту охваченных вопросов и эпох, совершенство в методическом плане, что во многом послужило ему образцом для создания собственной монографии, но, конечно, уже с учетом огромного количества разновременных материалов, накопленных в процессе масштабных археологических раскопок города и его обширной сельской округи в XX в.

Необходимо также сказать, что Виноградов вообще не подвергал сомнению факт пребывания Диона в Ольвии и достоверность многих свидетельств о городе и его гражданах в «Борисфенитской речи», связывая их с историческим контекстом⁷. Хотя свое главное историко-эпиграфическое исследование Ольвийского полиса он ограничил хронологическими рамками VII–I вв. до н.э., тем не менее обратил особое внимание и на этот нарративный источник конца I в. н.э. В предварительном кратком анализе важных документов по истории Ольвии он прежде всего подчеркнул: «Надо откровенно и с сожалением признать, что свидетельства древних авторов об Ольвии весьма скудны. Из более или менее связных рассказов можно назвать только два: новеллу Геродота о Скиле (Herod. IV. 78–80) и вступительный раздел Диона Хрисостома (Dio Chrys. XXXVI. 1–18). Они бесценны для нас тем, что оба – объективные свидетельства очевидцев, однако целью их не было специальное описание города: для “отца истории” Ольвия служит декорацией, перед которой разыгрывается драматическая история скифского царя-вероотступника; для бродячего риторика-изгнанника из Прусы – это опять же экзотический фон, на котором ему удобнее, как Орфею перед фракийцами, излагать свое философское credo о “хорошо устроенном городе”»⁸. Отсюда ясно, что Виноградов прекрасно понимал, какие именно свидетельства Диона можно воспринимать как достоверные, а какие из них относятся к литературным домыслам и некоторым преувеличениям, характерным для многих ораторов, стремящихся заинтересовать своей речью слушателей, произвести на них незабываемое впечатление образованностью, умением оживлять содержание диалогами и доходчиво излагать свои идеи: ведь недаром его назвали Хрисостомом (Златоустом).

В заключительном разделе монографии в соответствии с его определенной и сравнительно узкой тематикой Виноградов резонно выделил те свидетельства Диона, которые наиболее достоверно указывали на гетский разгром Ольвии: «Город борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн: находясь уже так давно среди варваров, и притом почти самых воинственных, он постоянно подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами; последнее и самое сильное разорение его было не более как за 150 лет: геты взяли и его и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии» (XXXVI. 4. Arnim; пер. В.В. Латышева)⁹.

Опираясь на взгляды предшествующих исследователей, Виноградов также считал, что побывав в городе и познакомившись с бытом его обитателей, их нравами, историей и, не исключено, государственными архивами, наблюдательный ритор, скорее всего, должен был записать не срок, прошедший со времени разгрома, а дату его по одной из принятых эр; но при подготовке речи для слушателей и чи-

⁶ Латышев 1887, 148 сл.

⁷ Подробнее см. Виноградов 1969, 146–148; 1989, 263–271; Vinogradov 1981, 21, 33; 1997, 77, 158, 341, 373, 389–392, 395.

⁸ Виноградов 1989, 17.

⁹ Виноградов 1989, 263.

тателей, он – в силу жанра и специфики своего произведения – перевел эту дату в соответствующий отрезок времени, дав право отсчитывать 150 лет от момента его выступления на родине¹⁰. В данном вопросе Виноградов усомнился в предположении Латышева о разгроме Ольвии в 50 г. до н.э. Как и большинство современных ему исследователей предпочел предложенную Т. фон Арнимом дату прочтения речи в 95 г., и в соответствии с ней, гетское разорение города в 55 г. до н.э.¹¹

Дальше критически были рассмотрены взгляды ученых о царстве Бурбисты, положении западнопонтийских городов и Ольвии, по сравнению с ними, уже «захиревшей» до середины I в. до н.э., так как многие граждане оставили ее еще раньше по разным причинам¹². Для археологического подтверждения гетского нашествия Виноградовым были приведены открытия мощного развала оборонительной стены, состоящей из бута, обработанных квадров, архитектурных деталей и постаментов статуй с надписями на участке Р-19: «Стратиграфические наблюдения позволяют отнести время разрушения к середине I в. до н.э. и безошибочно связать его, таким образом, с гетским нашествием. К счастью, глубокий ров, вырытый обороняющимися перед наспех сложенной стеной, воспрепятствовал дальнейшему падению деталей кладки в Заячью балку, сохранив тем самым для науки не только интересные архитектурные и эпиграфические памятники, но и бесценное археологическое свидетельство “широко задуманной” политики Бурбисты»¹³.

Если взгляды Виноградова на рассказ Диона заслуживают внимания как всестороннего исследователя эпиграфических памятников и истории Ольвийского пописа, то не менее важны открытия и наблюдения археологов, начиная с Б.В. Фармаковского, Л.М. Славина, Е.И. Леви¹⁴ и кончая нашим временем. Так, в своем историографическом исследовании архитектурно-строительных комплексов Ольвии Крыжицкий, характеризуя развитие ее градостроительной системы в послегетский период, привел следующий пассаж из речи Диона: «О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве; он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты, где остается еще несколько башен, не соответствующих ни величине, ни силе нынешнего города; находящееся между ними пространство тесно застроено домишками почти без промежутков и обнесено очень низенькой и непрочной стенкой. Некоторые башни стоят так далеко от заселенной ныне местности, что нельзя даже представить себе, чтобы они принадлежали одному городу»¹⁵. Предварительно отметив, что территория города в первые века нашей эры сократилась

¹⁰ Виноградов 1989, 264.

¹¹ Виноградов 1989, 264. Для подтверждения этой даты Виноградов также сослался на книгу И. Кришана (Crişan 1978, 126, not. 414, 419), где приведены многочисленные работы других ученых, принявших эту датировку.

¹² Виноградов 1989, 265–270.

¹³ Виноградов 1989, 271, прим. 198. Здесь дана предварительная информация об этом открытии. Остатки наспех сооруженной перед гетским нашествием оборонительной стены и найденные в ее развале архитектурные детали и постаменты для статуй с посвящениями разным божествам из теменосов были подробно описаны и интерпретированы (Крапивіна 1988, 12–19; Крапивина 1993, 16, 140; Русяева, Крапивіна 1993, 58–77).

¹⁴ Подробнее см. об археологических открытиях остатков оборонительных стен и «домишек», которые соответствовали рассказу Диона (Леви 1984, 38–39; 1985, 16, 23). Рассказ Диона цитируется и А. Вонсович для подтверждения плачевного состояния Ольвии после гетского нашествия (Wąsowicz 1975, 119–120).

¹⁵ *Dio Chrys. Or. XXXVI. 6.*

примерно втрое, Крыжицкий на разных примерах показал, что данные Диона никаких сомнений не вызывают и подтверждаются археологическими раскопками Б.В. Фармаковского, Л.М. Славина и других археологов о величине города и его жилой застройке¹⁶. Рассмотрев характер стен и куртин, высота которых могла достигать 3,5–5 м, он также считал, что они хорошо согласуются с данными Диона о наличии в Ольвии в то время очень низкой и непрочной стены¹⁷. Абсолютная достоверность свидетельств Диона, согласно Крыжицкому, также нашла прямое подтверждение при раскопках Нижнего города Ольвии и вероятном местонахождении в этом районе храма Зевса¹⁸.

Кроме того, следует остановиться и на отношении к отдельным свидетельствам Диона Крапивиной, более 30 лет проводившей археологические раскопки непосредственно на той территории, где размещалась возрожденная после гетского разгрома Ольвия. Особенно важны в сопоставлении с ними ее открытия строительных остатков и стратиграфические наблюдения. Крапивиной принадлежит и первая монография, посвященная (с учетом исследований предшественников) комплексному изучению материальной культуры и истории этого города I–IV вв. н.э.¹⁹ Предварительный анализ всех имеющихся источников позволил ей уверенно считать: «Согласно сведениям ратора из Вифинии Диона Хрисостома, побывавшего в Ольвии в конце I в. н.э., город занимал только южную часть прежней территории (Ог. XXXVI), что полностью подтвердили археологические исследования. Территория собственно города сократилась примерно втрое по сравнению с догетским

¹⁶ Подробнее см. с литературой: Крыжицкий 1985, 134–142. Е.И. Леви также отметила, что Б.В. Фармаковский, учитывая сообщения Диона Хрисостома, видевшего при посещении Ольвии развалины древних башен, отстоявших от города первых веков нашей эры на значительном расстоянии, правильно рассчитал их местонахождение, открыл остатки этих стен, установил наличие главных ворот города и определил северную линию обороны эпохи эллинизма (Леви 1985, 16).

¹⁷ Крыжицкий 1985, 141–142. При этом нельзя не обратить внимание, что для доказательства несоответствия сведений Диона о разорении города и плохом состоянии его оборонительных стен отдельные авторы считают, ссылаясь исключительно на одну и ту же работу (Буйских 1991, 16–30), что «утверждение о мнимой слабости укреплений Ольвии имело для Диона определенную цель; это не ошибка, а преднамеренная риторическая стратегия» (Браунд 1999, 274). По-видимому, за Браундом, со сноской на те же страницы в монографии С.Б. Буйских, и А.В. Подосинов отметил, что, по данным археологии, «Дион преувеличивал размеры разорения города, по крайней мере городские укрепления находились в это время в достаточно хорошем состоянии» (Древняя Русь 2009, 138, прим. 2). Однако Буйских рассматривал здесь оборонительную систему Ольвии не конкретно I в., а I – середины II в. н.э., указав в итоге, что «предложенный вариант реконструкции оборонительных линий первого этапа жизни Ольвии в послегетское время, безусловно, гипотетичен» (Буйских 1991, 29). Ведь только в первой половине II в. начались заметные изменения во всех сферах жизни ольвиополитов, в том числе и в усилении оборонительной системы, что, однако, не значит, что то же самое характерно и для последней четверти I в. Поскольку археологические остатки I в. н.э. практически крайне незначительны (см. подробнее: Крапивина 1993, 7–31), исследователи намеренно расширяют хронологические рамки этапов исторического развития послегетской Ольвии до середины II в. (см. также Крапивина 1993, 139; 1999, 230; Крыжицкий, Лейпунська, Крапивина, 1994, 39). И в данном вопросе отчетливо видно, сколь важно обращать внимание на хронологические рамки и конкретные датировки при столь ответственных выводах.

¹⁸ Крыжицкий 1993, 16, 178, 190–191.

¹⁹ Крапивина 1993, 3–184, см. также 1999, 230–341.

временем»²⁰. Крапивина также отметила, что сведения Диона о низенькой и непрочной оборонительной стене, на большом расстоянии от которой находились башни догетской Ольвии, в целом подтверждаются открытием остатков северной оборонительной линии Нижнего города конца I – III в. н. э., северной и восточной линией в затопленной его части²¹. Не менее важно и ее убедительное мнение с опорой на предыдущие исследования о плохом виде построек и расположении города на небольшом пространстве, тесно застроенном домишками почти без промежутков, которые почти полностью были снесены в процессе значительного размаха строительства во второй половине II–III в. н.э.²²

В общем же следует оговорить, что на вышеприведенные работы Виноградова, Крыжицкого, Крапивиной, как и других исследователей Ольвии, не обратили внимания авторы, рассматривающие рассказ Диона об этом городе, его гражданах и общей варваризации населения преимущественно в контексте литературной традиции и философских представлений²³. Насколько расходятся их взгляды о достоверности рассказа Диона по археологическим материалам Ольвии можно для сравнения привести лишь один пример. Так, Д. Браунд пришел, в частности, к заключению о том, что сообщение Диона «не соответствует картине Ольвии, формирующейся по другим источникам, в том числе археологическим» и что «становится невозможным читать рассказ Диона об Ольвии как простое свидетельство очевидца о реальном городе»²⁴. Само собой разумеется, что образованный оратор, будучи к тому же философом, при публичном чтении, а тем более написании своих речей, в том числе и касающейся визита в Ольвию, не мог не знать или предварительно не ознакомиться с сочинениями своих предшественников, особенно знаменитых философов и историков. Однако это не значит, что, к примеру, наименование Ольвии Борисфеном на Гипанисе является литературным, а не общепринятым топонимом у эллинов средиземноморских городов еще с VI в. до н.э.²⁵ При этом не следует забывать, что городов с таким же названием в разных регионах античной ойкумены было более десяти²⁶, а Борисфен представлял собой широко известную в греческом мире географическую ориентацию благодаря одноименному названию с величественной рекой на территории Скифии. Как видно даже из нескольких вышеприведенных данных, в научной литературе существуют разногласия и разные методические приемы в изучении рассказа Диона, что дает основания опираться в большинстве случаев на взгляды известных исследователей Ольвии, не сомневающих в его визите и достоверности многих свидетельств. В свою очередь, такой подход еще не значит, что абсолютно все они будут восприниматься не критически.

В первую очередь следует коснуться дискуссионных вопросов о взаимосвязанных между собой датах: время гетского разгрома Ольвии, пребывания Диона в этом городе и чтения XXXVI речи в Прусе. Но предварительно, затрагивая различные точки зрения на их определения, нельзя не заметить, что даже время его жизни

²⁰ Крапивина 1999, 230, 233; 2005, 187.

²¹ См. с литературой: Крапивина 1993, 23; 1999, 233, 235.

²² Крапивина 1993, 32–33; 1999, 236.

²³ См., например, и ср. Браунд 1999, 271–282; Нупе 2006, 165–172; Bähler 2007, 145–160.

²⁴ Браунд 1999, 281–282.

²⁵ Подробнее см. с литературой: Карышковский 1967, 75–90; Виноградов 1976, 75–84; 1989, 25–31, 78–80; Русяева 1998а, 160–170.

²⁶ См. с литературой: Скржинская 1981, 142–143.

до сих пор точно не установлено (ок. 40 либо 40–50 – ок. 120 г. н.э.)²⁷. При этом все-таки известно, что достаточно долго (82–96 г.) Дион находился в изгнании, вел жизнь путешествуя философа, исповедующего распространенные в то время учения стоицизма и кинизма, выступал с речами в разных городах, интересовался жизнью и культурой их жителей. Римский император Домициан запретил ему жить на территории Италии и в родном городе Пруса в Вифинии, а возможно, и в крупных городах, входивших в состав Римской империи или находившихся под ее влиянием. Только после убийства Домициана в 96 г. Нерва вернул своего друга Диона в Рим, которого затем приблизил к себе император Траян, вследствие чего он отошел от кинических принципов; считается, что «Эвбейская» и «Борисфенитская» речи проникнуты кинико-стоическими идеями²⁸.

О времени визита Диона в Ольвию в научной литературе приводятся самые разные даты (см. ниже). Тем не менее их детальным выяснением никто специально не занимался, в особенности при сопоставлении с историей этого города второй половины I в. н.э. Больше внимания как раз обращали на то, когда Ольвия подверглась нападению гетов, главным образом исходя из того, что «Борисфенитская речь» представляет собой единственный литературный источник о том, что это событие произошло «не более чем за 150 лет»²⁹. Однако оратор после столь конкретной цифры не указал, с какого времени следует делать этот отсчет лет. Поэтому одни ученые предполагали, что Дион, назвав цифру 150 лет, имел в виду известную ему дату своего визита в Ольвию; другие, наоборот, делают расчеты от года публикации «Борисфенитской речи»; большинство же – от момента ее публичного чтения в Прусе³⁰. Поскольку в литературной традиции отсутствуют какие-либо упоминания об этих данных из жизни и творчества Диона, то, естественно, современные авторы высказывали собственные соображения и гипотезы относительно даты его выступления с речью о Борисфене: 94, 95, 97 г., ок. 100 г., 100 г. и даже 101–102 г. или же просто использовали какую-либо из ранее опубликованных; в соответствии с этим предложено также немало дат гетского нашествия на Ольвию: 55 г., ок. 50 г., 48 г., середина I в. либо около середины I в. до н.э.³¹, с помощью которых высчитывался и год его визита в этот город.

Разумеется, ту или иную абсолютную дату вряд ли можно признать раз и навсегда установленной без достоверных документов. Еще Латышев справедливо критиковал тех ученых, которые уверенно относили чтение речи к 94 г.³² Ведь, если изгнание Диона закончилось лишь после смерти Домициана в сентябре 96 г., то,

²⁷ Ср., например: Нахов 1984, 42; Bähler 2007, 145; Древняя Русь, 2009, 135.

²⁸ Нахов 1982, 208–209; 1984, 41–44.

²⁹ *Dio Chrys. Or. XXXVI. 4.* Здесь и дальше отрывки из «Борисфенитской речи» приводятся по последнему переизданию, но все еще в переводе Латышева (Древняя Русь, 2009, 135–141).

³⁰ Возможно, еще до рассказа Диона о Борисфене прусийцы знали об этом городе. Однако первые документальные свидетельства о торговых и культурных связях с ними и их проживании здесь зафиксированы в эпитафических памятниках Ольвии II в. н.э.; Пруса названа среди 18 городов, увенчавших прославленного ольвийского деятеля Феокла, сына Сатира, золотыми венками (IOSPE. P. 40, 41; NO. 47, 51; Яйленко 1985, 181–190).

³¹ См. с литературой и ср., например: Латышев 1887, 148–149; Златковская 1955, 84; Çiğaç 1978, 126; Виноградов 1989, 20, 263–264, прим. 164–165; Крапивина 1993, 139; Крижницький, Лейпунська, Крапівина 1994, 22; Подосинов 2005, 10; Ivantchik, Krapišina 2007, 116.

³² Латышев 1887, 148–149.

кажется, нет никаких оснований утверждать, что, зная жестокий характер императора, он нарушил бы его приказ и приехал в Прусу раньше своей реабилитации, подвергая тем самым наказанию самого себя, своих родственников и соотечественников. Скорее всего, Дион смог приехать в родной город после получения свободы и возвращения в Рим, непосредственно перед этим, если он во чтобы то ни стало стремился прежде всего побывать на родине после длительного отсутствия либо же по каким-то причинам в течение 97–100 г. На основании таких соображений, а также учитывая то, что оратор употребил выражение «не более чем за 150 лет», можно предполагать, что гетское нашествие на Ольвию произошло в рамках 55–50 г. Не исключен даже 48 г., исходя из того, что она представляла собой самый отдаленный пункт для захвата³³. Впрочем, и в этом случае из-за отсутствия до сих пор более конкретных фактов и различиях в абсолютных датах гетского разорения Ольвии, видимо, следует согласиться с теми исследователями, кто применяет относительную хронологию «около середины I в. до н.э.».

В такой же степени современное состояние источников не позволяет определить и точное время посещения Ольвии Дионом. Как и о вышесказанном в историографии до сих пор существует разброс датировок: 83 г., после 83, 94 г., незадолго до 95 г., ок. 95 г., 95 г., 97 г., 97/98 г., но чаще всего просто конец I в. н.э. без указания, какие годы подразумеваются под этим хронологическим термином³⁴. Ведь рассказ о городе на Гипанисе, целенаправленно включенный в его речь для жителей Прусы, мог быть написан и раньше. Существенно, что в самом начале речи им отмечено: «Случилось мне летом быть в Борисфене, когда я после изгнания прибыл (туда) морем, имея в виду, если можно будет, пробраться через Скифию к гетам, чтобы посмотреть, что там делается»³⁵. Из этого пассажа ясно, что в Ольвию он прибыл на морском судне летом, но, по всей вероятности, случайно в какое-то отдаленное время, ибо в противном случае было бы сказано об этом более конкретно, а не столь суммарно. Создается впечатление, что его слушатели представляли, о какой части античной ойкумены он начал свой рассказ.

Кроме того, важно обратить внимание на неоднозначное толкование выражения «после изгнания», которое в последнее время, судя по отдельным датам, адекватно «после окончания изгнания», хотя и оно достаточно не аргументировано. Возможно, более прав Латышев, тонко понимавший разнообразные нюансы древнегреческого языка и считавший, что это событие лучше отнести к 83 г. или немногим позже, т.е. сразу или вскоре после изгнания из Рима³⁶, что больше согласуется с возрастом Диона, решившегося отправиться в столь длительное и нелегкое по тем временам морское путешествие, а также с военно-политической обстановкой, создавшейся немногим позже в Нижнем Подунавье в связи с войнами Домициана

³³ Petre 1971, 97–104; Карышковский, Клейман 1985, 81.

³⁴ См., например, с литературой и ср. Латышев 1887, 148–149; Jones 1978, 53–55; Козуб 1984, 165; Виноградов 1989, 264; 1994, 169; Крапивина 1993, 139–140; 1994, 123; 2011, 485; Крижицкий, Лейпунська, Крапивина 1994, 39; Древняя Русь, 2009, 135, прим. 1: «скорее всего, летом 97 г.»; Нуре 2006, 165 и др. Браунд в одной статье писал, что Дион посетил Ольвию, будучи еще в изгнании летом 97 г. н.э. (1991, 25, 30), в другой относит визит Диона в этот город «примерно в 97/98 г. н.э.», но затем, со ссылкой на Джонса, отметил: «По-видимому, наиболее верно датировать визит Диона летом 97 г. н.э. (Jones 1978, 51), но, как показывает Рассел (Russell 1992, 171), для полной уверенности нет оснований» (Браунд 1999, 271, прим. 2).

³⁵ *Dio Chrys.* Or. XXXVI. 1.

³⁶ Латышев 1887, 149.

с даками. Безусловно, ритор хорошо знал стихи изгнанного намного раньше из Рима известного поэта Овидия, нашедшего убежище в западно-понтийском городе Томы и много написавшем о гетах³⁷. Во всяком случае его намерения пробраться именно к ним наталкивают на предположение о сравнении сходства двух судеб творческих деятелей. Но действительно ли он осуществил свою цель, прибыв в Ольвию? Если бы отсюда Дион попал к гетам³⁸, то, разумеется, он бы просто отметил, что из Борисфена через скифскую землю он перебрался в гетские края, а не ставил перед собой тогда столь определенную цель. Неспokoйная обстановка в степях возле Ольвии, постоянные набеги отдельных небольших групп варваров, о которых он неоднократно упоминал в своей речи, наконец, военные стычки с сарматами на границах Римской империи, очевидно, не способствовали осуществлению его планов в то время.

Вместе с тем существовало и другое немаловажное препятствие. Дион, находясь вне Рима и, видимо, не имея правдивой информации, был явно не осведомлен о политических событиях и военной обстановке в данном регионе. Сомнительно, чтобы всесторонне образованный ритор с самого начала избрал бы для поездки к гетам наиболее отдаленную от них Ольвию, а не один из близлежащих городов в Нижнем Подунавье. По-видимому, находясь в пути он узнал, что ближайшие к гетам Истрия, Томы, Каллатия, Тира уже играли важнейшую роль в римской политике и в них стояли римские легионеры³⁹. Из расспросов и иных источников Дион мог узнать, что Ольвия оставалась независимой в то время от Римской империи и в среде ее граждан проявлялись антиримские настроения; здесь также отсутствовала администрация, которая в угоду Домициану могла бы препятствовать ему войти в этот город и запретить выступление с речью. Стремление ритора-изгнанника найти убежище в самых отдаленных уголках античной ойкумены, которых еще не достигла военная и политическая сила Рима, может свидетельствовать и о том, что он боялся оставаться в пределах империи особенно после казни Домицианом его друга Т. Флавия Сабина. Неизвестно, как долго он прожил в Ольвии, находившейся все еще в процессе восстановления, среди вооруженных граждан-ополченцев, которым при отсутствии в это время необходимой помощи от римлян приходилось периодически собственными силами отгонять вражеские набеги варваров⁴⁰.

³⁷ Подосинов 1979, 19–32; 1984, 8–178; 2005, 10.

³⁸ В ответ на мнение Браунда (1999, 274), что такая причина поездки Диона в Ольвию кажется «очень странной и, вероятно, надуманной», А.В. Подосинов отметил, что ритор написал историческую работу о гетах – «Гетика», не сохранившуюся до нашего времени (Древняя Русь, 2009, 135, прим. 3).

³⁹ См. с литературой: Карышковский, Клейман 1985, 82–101; Зубарь 1998, 55–61; Зубарь, Сон 2007, 149–150.

⁴⁰ В Ольвии, в отличие от других городов на Северном и Западном Понте, вообще сложилась тяжелая ситуация во взаимоотношениях с сарматами: приблизительно в третьей четверти I в. н.э. она находилась под экономическим протекторатом царства Фарзоя и Инисмея, чеканивших на ольвийском монетном дворе золотые и серебряные монеты со своими символами-тамгами (подробнее см. с литературой: Карышковский 1988, 108–115; Анохин 1989, 63–70; Виноградов 1994, 165–169; Русяева 1995, 24–37; Русяева, Супруненко 2003, 232–244). Кроме того, судя по многим археологическим исследованиям сарматских памятников, в нижнебугском регионе установлено, что с середины I в. н.э. их количество увеличивается в непосредственной близости от Ольвийского государства (Симоненко, Лобай 1991, 86–87), а в последней четверти этого века сарматы значительно приблизились к самой Ольвии (Симоненко 1999, 116).

Следовательно, учитывая эти, хотя и косвенные сведения, можно предполагать, что Дион побывал в Ольвии в начальный период своего изгнания, а не в самом его конце или даже после него, и прожил здесь недолго, пока не появилась возможность на каком-либо торговом судне беспрепятственно в летнее время отплыть в другие места. В определенной степени с этим согласуются и ольвийские эпитафические памятники. В сопоставлении с его рассказом о состоянии города, его гражданах и их мировоззрении, а также внешнем варварском окружении они в своем большинстве показывают, когда здесь начались коренные изменения в этническом составе гражданской общины и взаимосвязанные с ними реорганизационные процессы в политической и религиозной сфере. Если Диона признают единственным свидетелем, который оставил сравнительно подробную характеристику граждан Ольвии, то следует считать, что более надежного и реального письменного источника ее истории пока не имеется.

Общепризнано, что вследствие гетского нашествия около середины I в. до н.э. Ольвия как город на некоторое время перестала существовать. Как долго продолжался процесс запустения, до сих пор точно не определено. По стратиграфическим и археологическим данным этот промежуток времени при отсутствии монетной чеканки и эпитафических памятников, а вместе с этим и абсолютной хронологии керамических материалов и других вещей выяснить не удастся. Высказаны различные гипотезы и умозрительные представления о том, как долго и где проживали ольвиополиты, вынужденные бежать из города перед нашествием гетов, и когда приблизительно они могли возвратиться в родные места⁴¹.

По мнению Латышева, разоренная дотла Ольвия скоро была восстановлена бывшими жителями, разбежавшимися при нападении гетов в греческие города Таврического полуострова⁴². Совсем иначе рассматривают эту ситуацию современные исследователи. В общем их утверждения, гипотезы и объяснения (с незначительными коррективами) сводятся к тому, что Ольвия несколько десятилетий была совсем опустевшей и жизнь в ней начала возрождаться не ранее конца I в. до н.э. Ольвиополиты в течение этого продолжительного периода проживали на нижнеднепровских позднескифских городищах, откуда их потеснили сарматы, вследствие чего они совместно с их эллинизированными жителями осознали свое единство и начали восстанавливать город – столь важный центр для торговых связей со скифами и по их желанию⁴³.

Однако несомненный прямой континуитет многих традиций в сфере государственного устройства (демократия и основные структуры власти) и культуры, в особенности религиозных культов, основных видов погребального обряда, чистоты официального языка, палеографии, полисно-сакральной эмблемы, знания «Илиады» Гомера и философских учений свидетельствуют о том, что хотя бы совсем небольшая группа патристически настроенных граждан возвратилась в разоренный город вскоре после смерти вождя гетов Бурбисты в 44 г. до н.э., когда угроза их вторичного вторжения исчезла навсегда. При этом необходимо различать собственно граждан – ольвиополитов, тем более богатых и лишившихся своего места обитания и гражданских прав, и другие слои населения. Поэтому представляется,

⁴¹ См., например, и ср. Славин 1967, 11; Раевский 1973, 115 сл.; Wąsowicz 1975, 116–117; Анохин 1989, 56–58; Крапивина 1993, 140–141; 1994, 125; 1999, 230–233; Крижицкий, Лейпунська, Крапівіна 1994, 28–29; Зубар 1996, 127–128; Зубарь, Сон 2007, 144.

⁴² Латышев 1887, 160.

⁴³ Ср. Браунд 1991, 25–30; Крапівіна 1991, 31–33; Крапивина 1993, 140–142; Крапівіна 1994, 123–127; Крапивина 2007, 13–14; 2011, 485–491; Зубар 1996, 128–132.

что более прав Латышев, полагавший, что ольвиополиты разбежались в другие города, но, видимо, не только Таврического полуострова, но и в более отдаленные регионы, с которыми в позднеэллинистическое время они поддерживали политические и торговые связи. Возвращенцы в целях безопасности первоначально могли обитать в прибрежном районе, обширная территория которого, к сожалению, уже поглощена водами Бугского лимана⁴⁴.

Если бы Ольвия действительно на протяжении около трех–четырёх десятилетий вообще не существовала (к тому же при постоянном проживании ольвиополитов в иноэтнической среде, пусть даже эллинизированной), то, с одной стороны, произошел бы прямой перенос всех компонентов ольвийской государственной системы и политики, денежного обращения, эмпория, торговых связей и в целом культурно-религиозных традиций на нижнеднепровские городища (либо хотя бы одно из них); а, с другой, в восстановленном городе наблюдалось бы намного больше варварских элементов во всех сферах жизни. Но ни в том, ни в другом случае никаких кардинальных изменений либо преобразований как в жизни населения Нижнего Поднепровья, так и ольвиополитов во второй половине I в. до н.э. – I в. н.э. не прослеживается. Таким образом, нет никаких достоверных источников для того, чтобы уверенно полагать, что ольвийские граждане просто отсиживались в недоступных для гетов местах, пока совсем не постарели, а многие и не умерли, когда в большинстве их дети и внуки могли возвратиться в давно разоренную Ольвию с целью ее возрождения⁴⁵.

По этому поводу следует вновь обратиться к одному из пассажей «Борисфенитской речи», исходя из того, что Дион, вопреки всем разногласиям и неоднозначным интерпретациям, все же был ближайшим по времени свидетелем событий в возрождающемся городе. «После разгрома борисфениты снова заселили город, как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушении города перестали приезжать туда, так как не находили соплеменников, которые могли бы их принять, а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинскому образцу»⁴⁶. Отсюда ясно, что ольвиополиты, которых он по давней традиции называет борисфенитами, снова поселились в опустошенном городе. Борисфениты и скифы, конечно, два разных этноса, которые, как бы то ни было, не жили совместно на каком-то одном или нескольких городищах в Поднепровье⁴⁷. Оратор нигде не указывает, что первые из них длительный период обитали совместно со скифами или в другом месте, хотя такое необычное событие, безусловно, сохранилось бы в памяти ольвийских

⁴⁴ По подсчетам Крыжицкого, проводившего подводные исследования Ольвии, с учетом данных других ученых, площадь затопленной части Нижнего города в пределах оборонительных стен в первые века нашей эры составляла не менее 4,5 га, а всего – 6–7 га (см. с литературой: Крыжицкий 1985, 31, 134–135; ср. Леви 1985, 14–15).

⁴⁵ Русяева 1999, 439–440; Русяева, Супруненко 2003, 225–226.

⁴⁶ *Dio Chrys. Or. XXXVI. 5.* Свободный перевод этого пассажа и его комментарий с добавлением разных терминов и фактов, отсутствующих в оригинале этой речи Диона, представлен Браундом (1991, 27; ср. Крапивіна 1991, 31–33; Крапивина 2005, 187–188).

⁴⁷ Относительно того, какое этнически смешанное население (поздние скифы, оседлые сарматы, фракийцы, греки) обитало в I–II вв. в Нижнем Поднепровье, в историографии существуют разные взгляды. Возможно, что ольвиополиты по традиции называли их скифами и в первые века нашей эры, как и всю обширную область – Скифией. Это подтверждается стихотворной эпитафией старика Мойродора, жившего во II в. н.э., где отмечено, что «отечество ему – город Скифии Ольвия» (IOSPE. P. 226).

граждан, в храмовых хрониках или государственных архивах, как и сведения о гетском нападении⁴⁸.

Примечательно то, что объясняя, почему борисфениты возвратились на исконное место жительства, Дион высказал не услышанное от кого-либо из местных жителей, а собственное мнение, которое казалось ему наиболее приемлемым и логичным, что, хотя и косвенно, подтверждает факт его визита в Ольвию. Ведь ритор только предполагал, что скифы были весьма заинтересованы в торговых связях с приезжими эллинами, прекратившими посещать разрушенный город, при посредничестве которого они раньше вели эту торговлю. Очевидно, он специально интересовался этим вопросом, но не получил на него удовлетворительного ответа. И дело было не в отсутствии соответствующего места для устройства гавани в Днепро-Бугском бассейне. Если бы ольвиополиты действительно обитали несколько десятилетий на нижнеднепровских городищах, то ничто не мешало им и там организовать эмпорий и принимать со всеми подобающими почестями греческих купцов как ради собственных нужд, так и в интересах соседствующих с ними варваров. Но комплексные исследования нижнеднепровских городищ – так называемой поздней южной и поздней северной групп, – основанных в разное время на протяжении последней трети II–I в. до н.э. и просуществовавших до II–III вв., дали основание уверенно считать, что проживание на них ольвийского населения не находит подтверждения в археологических источниках, хотя и не вызывает сомнения присутствие элементов греческой культуры и античного влияния, что обычно при наличии тесных торговых отношений и иных контактов как с Ольвией, так и другими городами⁴⁹.

Тем не менее в контексте этнополитической истории Ольвии остаются спорными вопросы об этническом происхождении варваров как среди всего населения Ольвии, так и в составе ее гражданской общины, а вместе с этим времени и причинах их включения в число граждан, а также городской элиты. Неоднократно отмечалось, что после нашествия гетов, т.е. непосредственно после возвращения ее жителей на бывшее место обитания (по другим версиям одновременно с ними) появилось множество варваров в городе⁵⁰. Некоторые авторы были убеждены в варваризации либо сарматизации всей ольвийской культуры. Ключевой базой для констатации и аргументации таких выводов считалась чаще всего небольшая фраза из рассказа Диона. Указав, что не более как сто пятьдесят лет тому назад геты взяли и Борисфен, и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии, ритор дальше отметил: «Вследствие этого-то дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие – в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров. Много сделано было захватов во многих частях эллинского мира, рассеянного по разным местам»⁵¹. После этих общих сообщений, где Борисфен и борисфениты вообще не упомянуты, он вновь возвратился к рассказу о них. Но как раз слова о наплыве массы варваров были прямо восприняты учеными и относительно Ольвии, что якобы нашло прямое подтверждение в большом количестве эпиграфических памятников, в которых зафиксированы негреческие – преимущественно иранские – имена.

⁴⁸ Виноградов 1989, 264.

⁴⁹ Подробнее см. с литературой: Былкова 2007, 118–128; см. также с литературой: Тохтасьев 2012, 319–322.

⁵⁰ Ср., например: Латышев 1887, 173, 176; Блаватский 1949, 57; 1985, 102; Гайдукевич, Капошина 1951, 168; Блаватская 1952, 176–177; Гайдукевич 1955, 57; Книпович 1956, 135, 136; Анохин 1989, 58; Крапивіна 1994, 123–129; Крапивина 2007, 14.

⁵¹ *Dio Chrys. Or. XXXVI. 5.*

Для примера можно привести несколько утверждений и гипотез ученых в хронологической последовательности. Так, еще Латышев после изучения ольвийских надписей римского времени писал, что личные имена в них красноречиво убеждают, что в составе гражданской общины Ольвии «варварский элемент был разлит очень широко»⁵². Пытаясь объяснить такую неординарную ситуацию, он тем не менее лишь предположил, что при возрождении города ольвиополиты могли принять в свой коллектив несколько скифских более или менее эллинизированных семейств, пожелавших осесть в городе, предоставив им гражданские права. Решительно об этнических изменениях в Ольвии высказался В.Д. Блаватский: «Дион Хрисостом рисует яркую картину варваризации населения Ольвии в I в. н.э., а ольвийские лапидарные надписи первых веков нашей эры пестрят фракийскими и скифскими именами»⁵³. Отмечая характерные особенности исторического развития греческих городов, в которых возобновилась жизнь после гетского разгрома, В.Ф. Гайдукевич, также ссылаясь на слова Диона, отметил большой процент выходцев из местных племен в составе городского населения Ольвии, оказавшего значительное влияние на ее культуру, сарматизация которой все время усиливалась⁵⁴. Тем самым впервые столь прямо утверждалось о сарматизации ольвийской культуры без обоснованных объяснений, в чем именно она нашла проявление и когда произошло ее усиление.

Значительно позднее и Виноградов, несмотря на то что в своей монографии исследовал историческое развитие Ольвийского полиса VI–I вв. до н.э., не смог не затронуть и последующее время (правда, без сопоставления с рассказом Диона и до его визита), выдвинув общий тезис о том, что «послегетский период не только знаменует вхождение Ольвии в орбиту Рима и усиление влияния последнего, но и характеризуется, с одной стороны, разительной сарматизацией, а с другой – дальнейшей элитаризацией общества, приведшей к осязаемым изменениям в государственном устройстве»⁵⁵.

⁵² Латышев 1887, 173, 188.

⁵³ Блаватский 1985, 102.

⁵⁴ Гайдукевич 1955, 57.

⁵⁵ Виноградов 1989, 20–21. Для подтверждения этой точки зрения Виноградов опирался на последние в то время исследования «П.О. Карышковского, убедительно доказавшего, что протекторы Ольвии Фарзой и Инисмей были царями не скифов, а сарматов», и поддержавшего его М. Щукина (Виноградов 1989, 21, прим. 56). Однако впоследствии это, вероятно, не помешало ему изменить свои взгляды о «разительной сарматизации» Ольвии, о чем свидетельствует изучение военно-политической истории сарматов в I в. н.э., в том числе монет Фарзой (по его мнению, царя Аорсии в Северо-Западном Причерноморье) и единичных варварских антропонимов (Виноградов 1994, 151–170). В результате он пришел к неподтвержденному пока другими источниками выводу, «что именно с третьей четверти I в. в ольвийский просопографический фонд начинают проникать поначалу постепенно, а потом и в массовом порядке ирано-сарматские имена и среди них такие знаменательные как Фарзой или Омпсалак» (Там же, 169). В отличие же от гипотезы автора данной статьи об их возможной принадлежности к сарматскому племени сираков (Русяева 1989, 192–193) Виноградов указал, что физические носители этих имен, составлявшие полисную элиту, – архонты, стратеги, послы и т.п. – не должны были быть по крови непременно «сарматами: наряду с вхождением отдельных знатных варваров в городскую верхушку и заключением с ними “династийных” браков, ольвиополиты, очевидно, по политическим и экономическим соображениям, стремясь угодить новым покровителям, стали нарекать своих детей варварскими именами, повторив, таким образом, антропонимический феномен V в. до н.э.» (Там же, 169). Правда, судя по контексту всей статьи, по-видимому, здесь речь идет лишь о нескольких именах времени протектората сарматских царей, а не конца I – II в., когда количе-

В работах других исследователей термин «сарматизация», кажется, так убежденно не применялся⁵⁶. После изучения этнического состава населения Ольвии по эпиграфическим источникам Т.Н. Книпович считала, что надписи первых веков нашей эры представляют собой источник о наличии большого количества негреческих имен, что заставляет вспомнить слова вифинского оратора о «массах варваров», набравших в возобновленные после гетского разгрома города⁵⁷. Согласно В.А. Анохину, длительное, продолжавшееся не менее жизни одного поколения пребывание среди варваров ольвиополитов, возвратившихся позднее в родной город, должно было ощутимо сказаться на их материальной и духовной культуре, что было замечено Дионом и что проявилось в обилии варварских имен в ольвийской ономастике римского времени⁵⁸.

Вслед за Анохиным и другими авторами Крапивина также привлекает свидетельство Диона о наплыве варваров в сопоставлении с ольвийскими эпиграфическими памятниками для доказательства появления негреческих имен в Ольвии, относя все эти изменения к выделенному ею первому этапу послегетского периода ее истории (середина I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.)⁵⁹. После возвращения ольвиополитов из нижнеднепровских городищ в конце I в. до н.э. заново была сформирована гражданская община города и его округа, права гражданства в ней – в понимании Крапивиной – получили все, кто принимал участие в восстановлении Ольвии, в том числе и эллинизированная часть варварского, первоначально скифского населения, в связи с чем и появилось большое количество ираноязычных имен среди должностных лиц в надписях города⁶⁰. «Вероятно, именно этот процесс нашел отражение в сообщении Диона Хрисостома о том, что в восстановленные города, в том числе и в Ольвию, нахлынула масса варваров (Or. XXXVI). Сами же жители Ольвии как с греческими, так и с иранскими именами ощущали себя эллинами, относясь безразлично к пестрой смеси имен»⁶¹. Обращает внимание, что свою точку зрения с незначительными коррективами и дополнениями исследовательница отстаивает во многих своих работах до сих пор⁶².

ство разных негреческих имен значительно возросло (см., например, и ср. Карышковский 1993, 86–95; Нуре 2006, 202–208; Ivantchik, Krapivina 2007, 113–115, 120–122). Конечно, отдельные ольвиополиты (эллины по происхождению) могли использовать иранские и другие негреческие имена, возможно, даже как-то видоизменять их произношение и написание. Но в большей степени процесс заимствования эллинских имен шел в иноэтнической среде. Если это так, то варваризация антропонимии, как одного из важных компонентов культуры Ольвии, была минимальной. Впрочем, эти вопросы все еще остаются на уровне предположений и ждут своего исследователя.

⁵⁶ К этому можно добавить, что на основании негреческих имен в посвященных надписях Ахиллу Понтарху римского времени введен термин – «аккультурация» (см. Нуре 2007, 238–240), который следовало бы рассмотреть в комплексе всех накопленных в Ольвии источников.

⁵⁷ Книпович 1956, 135–136.

⁵⁸ Анохин 1989, 58. Тем не менее дальше им отмечено, что предполагаемое массовое проникновение варваров в состав городского населения плохо увязывается с тем, что язык, культура, религия и политическое устройство Ольвии оставались чисто греческими.

⁵⁹ Крапивина 1993, 142–143.

⁶⁰ Подробнее см. Крапивина 1994, 124–125; Крапивина 2007, 14; 2011, 487.

⁶¹ Крапивина 2007, 14.

⁶² Подробнее см. с литературой и ср. Крапивина 1994, 124–125; Крапивина 1999, 295–297; 2007, 13–14; 2011, 485–491; Гаврилюк, Крапивина 2005, 69–71.

С несколько иных позиций к рассмотрению этой темы подходил В.М. Зубарь⁶³. На базе имеющихся источников и дискуссии с Крапивиной он тем не менее пришел к сходному с ней заключению: после гетского нашествия этнический состав жителей Ольвии изменился вследствие включения в воссозданную гражданскую общину значительного количества выходцев из сильно эллинизированного этнического массива жителей нижнеднепровских городищ. В результате ассимиляции варваров Нижнего Поднепровья греками из Ольвии в Нижнем Побужье складывается новая этническая общность – борисфениты, что наиболее ярко проявилось в ономастике⁶⁴. При этом признавалось и присутствие некоторого количества сармат среди ее жителей, за исключением граждан. Любопытно и то, что Зубарь находил подтверждение своему выводу в «Борисфенитской речи» Диона, откуда он, видимо, заимствовал этноним «борисфениты»⁶⁵.

Таким образом, существует различное, хотя в своей основе почти сходное, но вместе с тем и противоречивое истолкование этнической структуры как всего населения Ольвии в целом, так и ее гражданской общины. Как видно, в качестве главных источников при решении этих вопросов традиционно используются данные Диона о варварах и в большинстве эпиграфические памятники с негреческими именами. При этом, как ни странно, никто из исследователей не обратил пристального внимания на их хронологические несоответствия; никто не рассматривал лапидарные надписи в комплексе с синхронными им кардинальными изменениями как в духовной и материальной культуре Ольвии, так и в этносоциальной структуре гражданской общины, а не всех слоев населения, что, как известно, далеко не одно и то же в греческих полисах; наконец, мало кто пытался критически разобраться в несогласованности Дионовых свидетельств о «массах варваров», якобы действительно нахлынувших в большом количестве в возрожденные города, с реальной картиной, которую представил этот ритор в отношении собственно Ольвии, и что на самом деле представляла она по другим источникам во время его визита, а не на протяжении длительного периода в I–III вв.

В данном аспекте тем не менее надо отдать должное А.В. Подосинову, впервые рационально сравнившего рассказы Овидия о Томах в начале I в. и Диона об Ольвии в сопоставлении с западнопонтийскими городами в конце этого века. Скрупулезно проанализировав показания последнего, он пришел к убедительному выводу, что в них не прослеживаются явных признаков «варваризации» Ольвии⁶⁶. В пассаже Диона о чрезвычайном упадке дел «тамошних эллинов» в то время, когда он находился в этом городе, следует видеть только жителей упомянутых им перед этим западнопонтийских городов, куда и явилось немало варваров⁶⁷. Вероятнее всего, когда ритор в этом пассаже говорит сначала о разрушенных гетами городах без упоминания каких-либо других местных этносов, а затем о массах варваров,

⁶³ Подробнее см. с литературой: Зубарь 1996, 127–135.

⁶⁴ Зубарь 1996, 135.

⁶⁵ Зубарь 1996, 131.

⁶⁶ Подосинов 1979, 27; 2005, 13.

⁶⁷ В примечании к переизданию «Борисфенитской речи» Подосинов также отметил, что поскольку о варварах в черте Ольвии Дион ни разу не упоминает, то, очевидно, слова о «массах варваров» относятся не к ней, а к городам по левому берегу Понта (Древняя Русь, 2009, 136, прим. 5). Опубликовав из «Борисфенитской речи» на украинском языке эксперпты, касающиеся непосредственно лишь Ольвии и Нижнего Побужья, М.В. Скржинская, например, уже резонно не включила эту злосчастную фразу, поддержав, таким образом, взгляды Подосинова (Скржинська 1994, 136).

то как раз их в первую очередь он имел в виду, а не скифов или сарматов. «Завоевание гетами западнопонтийских городов действительно могло привести к частичному проникновению гетского этнического элемента к населению этих городов, что вполне понятно, ибо Добруджа и низовья Дуная, на территории которых они, в основном, размещались, издавна были местом проживания фракийского (гетского) населения»⁶⁸. Римский изгнанник Овидий полстолетия спустя постоянно встречал гетов на улицах города Томы. И все же, несмотря на это, они не сыграли особенно заметной роли ни в общественно-политической и культурной жизни этого города, ни в просопографии.

Совсем иная ситуация вырисовывается в Ольвии. Наш очевидец, прогуливаясь в этом городе и за его пределами, разговаривая с разными по возрасту гражданами и выступая перед ними с речью, видел эллинов, слышал эллинские имена и эллинскую речь, которую, несмотря на отдельные погрешности, хорошо понимал. При этом он не забыл отметить, что приезжие купцы из метрополии, по определению борисфенитов, в большей степени варвары, чем они сами, прожившие столь долго на далекой окраине греческого мира и вынужденные носить шаровары. Поскольку Дион достаточно реально обрисовал архитектурный облик города и духовную жизнь его консервативных граждан, что подтверждается другими источниками⁶⁹, а также напряженную обстановку в связи с постоянными набегами варваров, которых ольвиополитам приходилось постоянно отгонять, имеются все основания предполагать, что представители этих этносов – будь-то сарматы или какие-то остатки поздних скифов – еще не играли особой роли во внутривосточной жизни нижнебугского полиса, не были его гражданами и не выполняли обязанностей архонтов, стратегов, агораномов, жрецов, о чем так ярко свидетельствуют различные посвящения, начиная с конца I в. и во второй половине II в.⁷⁰

В настоящее время о начале этнополитических изменений в Ольвии можно лишь предполагать, так как нет полной ясности в вопросе достоверного сопоставления датировок эпиграфических источников и визита Диона в этот город. Ольвийские лапидарные надписи первых веков нашей эры, за исключением отдельных экземпляров, содержащих имена римских императоров, чаще всего датируются не только в широких хронологических рамках, но и с значительными временными разрывами. Так, например, почетный декрет в честь юноши Дадага, сына Падага, происходящего от славных предков и принявшего участие в посольстве к гегемонам, который также привлекался для сравнения с ольвийскими гражданами негреческого происхождения и рассказом Диона⁷¹, эпиграфисты относят к разному времени: то первое десятилетие III в., то «вряд ли позднее I – первых десятилетий II в. н.э.»⁷². В такой же степени это относится и к стратегу Дадаку, сыну Гиеросонта, надпись с упоминанием которого датируется вообще римским временем⁷³. Они отсутствуют в списке ольвиополитов, составленном П.О. Карышковским по лапидарным надписям конца I – середины II в., что, видимо, исключает их сопоставление с данными Диона и может хронологически не соответствовать тому, что он не хотел замечать в Ольвии «людей со странными именами, не вписывающимися в

⁶⁸ Подосинов 1979, 25.

⁶⁹ См., например: Яйленко 1985, 187–188; Русяева 1986, 3–25; 1992, 14–26.

⁷⁰ Карышковский 1993, 73–96.

⁷¹ Подосинов 2005, 15.

⁷² Подробнее см. с литературой и критикой: Крюгер 1925, 81–90; НО. 42; Яйленко 1987, 77–79; Vinogradov 1997, 342.

⁷³ НО. 87; ср. Русяева 1986, 21; Подосинов 2005, 15.

общую картину старомодного эллинизма»⁷⁴. Анализ огромного количества надписей Карышковским показал, какие сложности представляет попытка выяснения и определения их точных датировок⁷⁵.

Заслуживает внимания упоминание Дионом одного бритоголового ольвиополита – приверженца римской моды, к которому с осуждением относились сохраняющие эллинские обычаи граждане Ольвии. Такое отношение объясняется тем, что во второй половине I в. н.э. она существенно отличалась от соседних с ней городов, как со стороны востока, так и запада, где проявилось значительно сильнее римское политическое влияние и подчинение⁷⁶. По мнению Крапивиной, отсутствие помощи Рима в сложное для города время, когда он подвергался постоянным набегам кочевников, было основной причиной презрительного отношения ольвиополитов к местным романофилам⁷⁷. Лишь при императоре Траяне в Ольвию, по всей вероятности, совсем ненадолго был введен отряд союзных Риму войск⁷⁸. В северопонтийской политике Римской империи Ольвия занимала очень скромное место не только во второй половине I в., но еще и в первой половине II в.⁷⁹

В общем же исследователи Ольвии резонно считают, что лишь по причине ее осады «тавро-скифами» около середины II в. Антонин Пий, по просьбе ольвиополитов, прислал войска на помощь городу, в результате чего во второй половине этого века началось интенсивное строительство, в том числе и оборонительных сооружений⁸⁰. Поэтому трудно согласиться с одним из заключений Браунда, что сообщение Диона «может быть истолковано лишь в широком контексте греческих представлений об эллинизме Причерноморского региона под властью Римской империи»⁸¹ или мнением о том, что Ольвия во время визита Диона находилась уже под защитой Римской империи⁸². Ведь римское влияние на отдельных деятелей Ольвии времени правления Тиберия не значит, что все ольвиополиты одинаково относились к римлянам и их политические взгляды оставались постоянно в неизменном виде⁸³. Хотя с тех пор на протяжении многих десятилетий в истории города и его внешней политике заметны определенные изменения, но достоверные эпиграфические источники о его защите римскими солдатами и политических отношениях непосредственно с Римской империей не найдены. При этом нельзя забывать и о том, что Ольвия, будучи и в подчинении администрации римской про-

⁷⁴ Подосинов 2005, 15.

⁷⁵ Очевидно, особыми сложностями и осторожностью можно объяснить и то, что Карышковский представил в итоге для всех рассмотренных им надписей с именами ольвиополитов все-таки разные хронологические рамки, например: то «период от Домициана до Антонина Пия», то конец I – середина II или вообще I–II вв. н.э. (Карышковский 1993, 82, 85–86, 96), придя к заключению, что для уточнения намеченной им в общих чертах хронологии ольвийских лапидарных документов конца I – середины II в. необходимо комплексное использование всех методов с привлечением нумизматических и археологических данных. Вне сомнения, что этот тезис Карышковского остается насущным и в наше время. Для сравнения датировок различных посвящений см. также Нуре 2006, 176–187, 215–234; Ivantchik, Krapivina 2007, 113–122.

⁷⁶ См. с литературой: Зубарь, Сон 2007, 148–151.

⁷⁷ Крапивина 1993, 148.

⁷⁸ Карышковский, Клейман 1985, 98–101; Vinogradov 1997, 341–345.

⁷⁹ См. с литературой: Шелов 1981, 57–60; Яйленко 1987, 72–84; Зубарь, Сон 2007, 151.

⁸⁰ Крижицкий, Лейпунська, Крапивина 1994, 39; Иванчик, Крапивина 2007, 79.

⁸¹ Браунд 1999, 282.

⁸² Văblier 2007, 159.

⁸³ IOSPE. P. 181; Русяева 1992, 155–156; Русяева, Супруненко 2003, 225–232.

винции Нижняя Мезия в конце II в., сохраняла свою независимость⁸⁴. «В самом деле, Ольвия никогда не входила в границы империи, ее население не было романизировано и римское культурное влияние здесь едва заметно даже в то время, когда римские войска стояли в городе постоянно. Небольшое количество находок латинских надписей в Ольвии в этом отношении достаточно красноречиво; они все к тому же связаны с римскими солдатами и никогда с гражданами или городскими властями»⁸⁵.

Для тех, кто хорошо знаком с духовной культурой Ольвии, ее декретами в честь заслуженных деятелей эллинистического и греко-римского времени⁸⁶, Дионов рассказ об ольвиополитах не может восприниматься «как некий обобщающий литературно-философский образ идеальных граждан»⁸⁷. Отмечая нападения кочевников, черные плащи и шаровары, оружие, заимствованные ольвиополитами у местного населения, ритор не смог бы не вспомнить о том, что видел в городе скифа или сармата с его чуждым для греческого языка и сложным именем, тем более гражданина или магистрата⁸⁸. Это относится и к его высказыванию о погрешностях в устной речи ольвиополитов вследствие длительного соседства с варварами, но не их совместного проживания. У Диона не было тогда никаких препятствий для того чтобы скрыть широкое заимствование ольвиополитами иранских имен или чуждых греческому языку слов, если бы таковые действительно звучали в то время, когда он посетил их город. Ничто не мешало и не противоречило его философской программе рассказать своим соотечественникам в Прусе о такой оригинальной практике в ольвийской политической и религиозной жизни, как ежегодное установление посвячительных стел с надписями от имени коллегии архонтов, стратегов, агораномов верховным божествам. Среди них не могло не привлечь его особое внимание уникальное сакральное имя Понтарх, под которым только здесь почитали Ахилла, культом которого он был удивлен, как и тем, что в Ольвии столь усердно читают и знают наизусть «Илиаду» Гомера⁸⁹. В такой же степени это касается посвящений Аполлону Простату от стратегов с их в своем большинстве варварскими именами. Если бы в его время они стояли у храма этого бога, то, конечно, он бы остановился возле таких редких надписей, подобных которым он не мог бы увидеть ни в одном другом городе Римской империи. Молчание любознательного ритора-свидетеля объясняется прежде всего тем, что во время его пребывания в Ольвии ничего подобного не было. Здесь еще не состоялась частичная реорганизация ольвийского пантеона, не исполняли государственные должности носители ирано-сарматских имен, не выставлялись ежегодно ни в городе, ни за его пределами каменные посвячительные плиты верховным божествам от магистратов с варварскими именами⁹⁰.

⁸⁴ Крапивина 1993, 150; 1999, 311–316; Крижицкий, Лейпунська, Крапивина 1994, 39; Иванчик, Крапивина 2007, 79; Зубарь, Сон 2007, 166–168.

⁸⁵ Иванчик, Крапивина 2007, 79.

⁸⁶ IOSPE. P. 32, 34, 39–46; NO. 42.

⁸⁷ Ср., например: Трофимова 1959, 160; Русяева 1986, 19–23, 27; Карышковский 1993, 86–95; Виноградов 1996, 125–136; Bäbler 2007, 145–160.

⁸⁸ Латышев 1887, 188; Подосинов 1979, 26; 2005, 12; Русяева 1998, 112; 1999, 441–442.

⁸⁹ *Dio Chrys.* Or. XXXVI, 9. Свидетельство Диона о почитании Ахилла в Ольвии также привлекалось множеством исследователей его культа (см. литературу: Rusjaeva 2006, 19–47; Нуре 2006, 165–172).

⁹⁰ Русяева 1998, 112.

Следует признать, что синхронизация и прямое сопоставление свидетельств Диона, в частности одной лишь фразы из его «Борисфенитской речи» о «массах варваров», с посвятельными надписями и почетными декретами преимущественно II в. н.э., содержащих как раз большое количество иранских имен, нельзя считать методически верными. При таком понимании вряд ли вообще можно говорить о полной варваризации либо сарматизации ольвийской культуры, точно так же, как и о большом количестве варваров с негреческими именами в период возрождения Ольвии. Такие высказывания вносят лишь путаницу и противоречия, которые не будут устранены в нашей историографии до тех пор, пока исследователи не станут различать датировки обоих источников, т.е. литературные сведения Диона и эпиграфические памятники, а также объективно оценивать реальное положение Ольвии в окружавшем ее мире: прежде всего взаимоотношения с сарматами и Римской империей в более узкие хронологические отрезки времени.

Итак, исходя из вступительной части «Борисфенитской речи» как своеобразного хронологического критерия (либо хроноиндикатора) с учетом комплекса данных духовной и материальной культуры, подтверждающих тяжелое положение Ольвии в I в. н.э., недостаточное развитие экономики и торговли, незначительные политические отношения с другими греческими городами⁹¹, можно – с определенной долей вероятности – полагать, что ее гражданский коллектив в ходе знакомства с ним Диона и соответственно до его посещения города состоял в основном из мужчин эллинского происхождения с весьма консервативными взглядами. Этнический состав других групп населения остается неизвестным, хотя нельзя исключать проживание здесь варваров, не имеющих гражданских прав. Возможное посещение Ольвии Фарзоем и Инисмеем – пусть даже спорадическое – чеканка на ее монетном дворе золотых и серебряных монет этих сарматских царей в третьей четверти I в.⁹², по-видимому, не сыграли особой роли в этнических изменениях ее гражданской общины, не способствовали экономическому расцвету города, коренной перестройке жилых кварталов, укреплению его оборонительной системы и появлению здесь граждан сарматского происхождения. Скорее всего, Ольвия действительно находилась какое-то время в экономической зависимости от этих царей и вынуждена была платить дань. Это бремя не способствовало ее быстрому возрождению, ибо, как видно из «Борисфенитской речи» и археологических исследований, город все еще сохранял остатки гетского нашествия, несмотря на то что прошли с тех пор многие десятилетия и жили здесь уже новые поколения ольвиополитов.

По-видимому, ситуация в политической, экономической и культурно-религиозной деятельности Ольвии, а вместе с этим в этническом составе ее гражданского коллектива и соответственно в антропонимии разительно меняется вскоре после пребывания здесь Диона. Впервые появляются ежегодные посвятельные надписи Ахиллу Понтарху, Аполлону Простату, Зевсу Ольвию и Гермесу Агорею от ольвийских магистратов – архонтов, стратегов, агораномов, жрецов⁹³. В целом, исходя из предложенных исследователями датировок, единичные из них могут

⁹¹ Крапивина 1993, 139–148.

⁹² Подробнее см. с литературой: Карышковский 1988, 108–115, 133; Анохин 1989, 64–70.

⁹³ См. с литературой: Русяева 1992, 50–54, 62, 75–83, 89–90; Карышковский 1993, 73–96; ср. Нупе 2006, 215–234; Ivantchik, Kravivina 2007, 111–123.

относиться к концу I в., в большинстве же – ко II в., меньше – к первой половине III в.⁹⁴ Принимая во внимание эту хронологию, отсутствие каких-либо упоминаний в «Борисфенитской речи» об указанных выше феноменальных явлениях в политической и религиозной жизни Ольвии, тем более о варварах в составе ее гражданской общины, следует признать, что в самом конце I в., если не в начале II в., здесь произошли значительные изменения, причина которых кроется в экстраординарных событиях. Если Дион действительно оставил город в очень тяжелом положении в связи с набегами варваров, когда ольвиополиты вынуждены были слушать его речь во всеоружии, то, безусловно, что в таком случае необходимо было решительно заняться вопросами обороны и сохранения отечества. Очевидно, вскоре после отъезда ратора в Ольвию был частично реорганизован пантеон и введены особые правила в почитании верховных божеств, которым впервые были присвоены новые эпитеты: Ахиллу – Понтарх, Аполлону – Простат, Гермесу – Агорей, Зевсу – Ольвий и Полиарх, которые до этого здесь не были зафиксированы ни в одной надписи⁹⁵. Впервые в истории Ольвии эти божества получили официальные культовые имена, прямо связанные с защитой и спасением города и государства; впервые столь целенаправленно их взяли под свое покровительство и заботу государственные магистратуры; впервые посвященные надписи Ахиллу Понтарху от различных коллегий начали ставить в местностях, которые в эллинистический период входили в состав полиса в западном направлении; впервые стратеги привлекают к особому попечительству о культе Аполлона Защитника; впервые в посвященные надписи вводятся формулы: «за прочность», «за спасение», «за мир», «за незаблемость», «за мужество», «за здравие» города и государства с благодарственными приношениями; впервые за победу над врагами Аполлону Простату подносили дорогие дары, в том числе золотые и серебряные статуэтки Nike, специально отмеченные в посвящениях стратегов⁹⁶. Чрезвычайно интересно, что впервые в такого типа государственных документах, которые вместе с тем являются и сакральными, зафиксировано сравнительно много негреческих имен.

Сквозь призму этих нововведений в ольвийской религии прослеживается явная целенаправленность политики ольвиополитов: с одной стороны, защитить свою родину, а с другой, значительно возвысить роль своих верховных богов, сохранить старинные полисные обычаи и традиции. Все это могло быть вызвано появлением в городе иноэтнической группы. Согласно П.О. Карышковскому, в списке граждан, исходя из надписей преимущественно первой половины II в. (более 30)⁹⁷, сохранилось полностью или почти полностью 23 греческих, 14 варварских, 37 смешанных имен среди архонтов; 34 греческих, 57 варварских, 37 смешанных среди стратегов⁹⁸. В первом случае среди смешанных выделяются 10 с варварским именем и греческим патронимиком, 5 – с греческим именем и варварским патронимиком, одно

⁹⁴ Ср., например, с литературой: Карышковский 1993, 73–96; Нуре 2006, 176–187, 215–234; Ivantchik, Kravivina 2007, 111–123; Тохтасьев 2012, 334. В противоречии с датировкой лапидарных надписей и улучшением экономического положения Ольвии в первой половине II в. н.э. находится достоверно не установленное длительное прекращение монетной чеканки в это время (ср. Карышковский 1988, 108–124; Анохин 1989, 56–73, 112–114), что заставляет думать, не требуют ли вообще хронологического пересмотра на современном уровне наших знаний все ольвийские монеты римского периода в комплексе с эпиграфическими памятниками, учитывая к тому же разногласия ученых относительно их датировок.

⁹⁵ Подробнее см. с литературой: Русяева 1982, 13–16; 1992, 50–54, 62–65, 75–80, 89–90.

⁹⁶ Русяева 1992, 51–52; Русяева 1998, 113.

⁹⁷ Карышковский 1993, 86–95.

⁹⁸ Русяева 1999, 444.

варварское с заимствованием римского имени; во втором случае – 13 с варварским патронимиком и греческим именем, 19 – с варварским именем и греческим патронимиком, 5 – с римско-греко-варварскими именами. Привлекает внимание и тот факт, что среди стратегов было гораздо больше носителей варварских имен, чем среди архонтов. Такое соотношение явно не случайно, а связано с новой, направленной на защиту и сохранение политикой Ольвии. Введение обязательных правил ежегодного установления посвячительных стел верховным богам от главных коллегий, присвоение тетраде этих богов уникальных эпikleз могло быть почти синхронным актом. Оно также было продиктовано желанием ольвиополитов сохранить культы своих древних божеств, расширить их функции специальными сакральными эпikleзами, привлечь к их обязательному почитанию и магистратов с ираноязычными именами.

Совокупность всех отмеченных нововведений в истории Ольвии также вряд ли носит случайный характер. Если исходить из того, что все было направлено на защиту города, то, скорее всего, с целью укрепления его обороноспособности и расширения экономического потенциала в гражданскую общину была включена небольшая группа достаточно богатой военной элиты сарматского и смешанного эллино-скифо-сарматского происхождения. Именно этот фактор способствовал не только обороне города, но и его обогащению, более быстрому экономическому развитию. В истории Ольвии раннеэллинистического времени перед угрозой нападения македонского войска Зопириона известен факт предоставления гражданства ксенам, но, видимо, только грекам из разных городов, что в итоге дало толчок ее экономическому расцвету и многим преобразованиям в архитектурном облике в последней трети IV – первой трети III в. до н.э.⁹⁹

Однако в отличие от того времени во II в. н.э. в этническом составе граждан Ольвии, к тому же государственной элиты, впервые столь отчетливо прослеживается ираноязычная прослойка. В материальной и духовной культуре она могла оставить незначительные следы из-за постоянного процесса эллинизации, приспособления и восприятия более прогрессивного и цивилизованного образа жизни ольвиополитов. В силу своего происхождения, благодаря смешанным бракам и постоянному близкому общению с образованными гражданами, при понимании преимуществ эллинской культуры, быта и политической системы этот этнический слой значительно быстрее воспринимал и заимствовал все эллинское как в повседневной жизни, так даже и в религиозной сфере. Трудно представить, чтобы исконные ольвиополиты в своем большинстве поддались варварскому влиянию в родном городе после включения носителей ираноязычных имен в гражданский коллектив, повлекшего за собой увеличение зависимых от них иноэтнических слоев населения. Если в своем большинстве они избирались стратегами, то не исключено, что изначально составляли здесь военный отряд, защищавший город от нападения варваров. О том, откуда и когда он сюда был прислан, вероятно, после обращения ольвийских послов о помощи и специальному договору, могут быть высказаны различные гипотезы. Значительное сходство отдельных имен с именами боспорских сармат прежде всего указывает на Боспор или близкое к нему, но уже в определенной степени эллинизированное племя¹⁰⁰.

⁹⁹ Подробнее см. с литературой: Виноградов 1989, 150–177.

¹⁰⁰ Автором настоящей статьи и раньше высказывались разные соображения и предположения о сарматах в составе граждан Ольвии (Русяева 1989, 192–193; 1995, 33), которые не были поддержаны или иначе истолкованы (ср. Виноградов 1994, 169, прим. 107; Крапивіна 1994, 123, 126–127; Крапивина 2011, 486; Зубар 1996, 131–132). См. также Русяева 1998, 113; Русяева 1999, 448–454.

В данном аспекте также привлекают внимание давно найденные в Ольвии надгробные стелы, которые все исследователи относят к боспорским воинам с греческими и иранскими именами первой четверти II в.¹⁰¹ На их основании еще М.И. Ростовцев предполагал, что во время правления Траяна Ольвия находилась в определенной зависимости от боспорских царей, пославших для ее защиты свои войска¹⁰². Однако продолжительная дискуссия показала, что их этносоциальный и военно-политический статус трактуется с разных точек зрения¹⁰³. Независимо от того, как они интерпретируются с тех или иных позиций, нельзя отрицать, что благодаря этим эпитафическим памятникам стало известно: в Ольвии жили и умирали представители боспорской знати, отдельные из них помнили родовые иранские имена. По всей вероятности, они принадлежали к отряду боспорских воинов, среди которых было немало эллинизированных сарматских наемников, посланных для защиты Ольвии от варварских набегов по ее же просьбе. Если это так, то не исключено, что с ними можно связывать и появление здесь отдельных граждан с иранскими именами.

Если раньше представлялось, что для каждой гипотезы имеются те или иные источники, в особенности же антропонимия, вообще требующая комплексного исследования¹⁰⁴, то в настоящее время ее лингвистическое изучение проведено С.Р. Тохтасьевым, в том числе и в сопоставлении с ираноязычными именами Боспора, в частности Танаиса¹⁰⁵. В итоге автор пришел к рациональному заключению: «Таким образом, традиционная концепция, согласно которой ольвиополиты – выходцы из севернопричерноморской иранской среды, особенно вошедшие в элиту общества, были по крайней мере преимущественно сарматского происхождения, на мой взгляд, по-прежнему остается единственно обоснованной»¹⁰⁶. Естественно, и здесь речь идет не о сарматизации культуры Ольвии, а лишь об определенном количестве граждан сарматского происхождения, в отличие от вышеотмеченных взглядов других исследователей этой сложной проблемы, считающих их выходцами из нижнеднепровских позднескифских городищ или подвергшихся там же ассимиляции варваров в результате проживания ольвиополитов.

На основании эпитафических источников можно выяснить, какие коренные изменения произошли только в составе гражданской общины Ольвии, но не всего населения города, а тем более его сельской округи. Общеизвестно, что граждане представляли собой главную ведущую силу в государстве, определяя основные на-

¹⁰¹ IOSPE. I², 202–204.

¹⁰² Ростовцев 1915, 12–13.

¹⁰³ См. с литературой и ср. Шелов 1981, 60; Яйленко 1987, 84–89; Зубарь 1998, 70–75.

¹⁰⁴ Русяева 1999, 448–457. Так, например, В.М. Зубарь, признавая возможное присутствие в составе жителей Ольвии какого-то количества сармат, с одной стороны, считал, что еще преждевременно говорить об их непосредственном вхождении в гражданскую общину во II в. (ср. Русяева 1989, 132–133), но, с другой, признал, что вопрос о происхождении негреческих имен ольвиополитов заслуживает специального изучения, которое должно базироваться не на разработках прошедшего века (ср. Крапивина 1993, 123–124), а с учетом современного состояния проблемы, в первую очередь на основании сравнительного анализа просопографии Ольвии и Танаиса, где в ономастике прослеживаются сходные явления (Зубар 1996, 131–132).

¹⁰⁵ Тохтасьев 2012, 318–345. Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность С.Р. Тохтасьеву за разрешение ознакомиться и сослаться на раздел «К демографической истории Ольвии римского времени» в его монографии «Северное Причерноморье. Этническая и демографическая история (по данным эпиграфики и ономастики)» (в печати).

¹⁰⁶ Тохтасьев 2012, 345.

правления в развитии политики и духовной культуры. В собственно гражданском коллективе Ольвии постоянно хранили исконные полисные традиции, благодаря чему здесь существовали намного дольше, чем в других понтийских государствах, полисная форма правления и древние эллинские культы. Очевидно, сравнительно слабая инфильтрация в их среду политически активного иноязычного населения не смогла коренным образом повлиять на их духовную культуру, быт, морально-этические и эстетические устои. Следовательно, термины «варваризация», «сарматизация», «романизация» в их прямом значении не стоит применять для характеристики ольвийской культуры в целом в первые века нашей эры¹⁰⁷.

Но вместе с этим нельзя отрицать, что в ней не нашли проявления отдельные сарматские элементы как в погребальном обряде Ольвии римского времени, так и в долговременной антропонимии, а также наличии сарматских знаков¹⁰⁸. Последние из них постепенно увеличиваются в процессе многолетних раскопок в городе и на его некрополе, представляя яркую картину своим многообразием. В общем их насчитывается более 360, из них 272 прочерчены на двух мраморных скульптурах львов третьей четверти VI в. до н.э., найденных в кургане ольвийского некрополя и служивших в первые века нашей эры памятниками культа для сармат¹⁰⁹. Хотя среди ольвийских имеются сходные или близкие с сарматскими знаками из других регионов, тем не менее они заслуживают отдельного профессионального изучения. До сих пор не получили должного толкования аккуратно вырезанные в одну линию знаки, одинаковые по манере исполнения и характеру резьбы, на архитектурных деталях (в частности фрагменте известнякового карниза)¹¹⁰. Не меньший интерес представляет фрагментированная костяная пластина, изготовленная из ребра быка или коня¹¹¹. Знаки на ней вырезаны с двух сторон в одну строку, отличаются качественным исполнением каждого знака со сдвоенными линиями. Рисунок на пластине и ряд расположенных по четкой схеме знаков (вероятно, на всей пластине их было 15), позволяющие, по мнению В.П. Яйленко, предполагать, что знаки данной надписи являются словами, дополненными пиктографическими изображениями (конь, привязанный к дереву)¹¹². Как бы то ни было, но расшифровка содержания подобного типа надписей на известняковом карнизе и костяной пластине, как и отдельных знаков или их групп на разных предметах проблематична. Тем не менее они внесли в культуру античного города особый колорит и своеобразие. Скорее всего, ольвиополитам приходилось преодолевать какие-то трудности в борьбе за чистоту эллинского языка в II–III вв. в связи с вторжением в него чужеродных имен и, естественно, слов их носителей. Их употребление на протяжении длитель-

¹⁰⁷ Русяева 1986, 22–23.

¹⁰⁸ Об ольвиополитах на нижнеднепровских городищах, носителях иранских имен и отсутствии в Ольвии сармат все еще продолжают дискуссии (подробнее см. с критикой и литературой: Тохтасьев 2012, 320–345; Крапивина 2011, 485–490).

¹⁰⁹ Подробнее см. с литературой: Соломоник 1959; Драчук 1975; Денисова 1988; Крапивина 2011а.

¹¹⁰ Соломоник 1959, 122; Русяева 1999, 450–453.

¹¹¹ Яйленко 1987а, рис. 6. Эта пластина была найдена не на Березани, а в Ольвии, на что раньше указывал В.В. Лапин: «Прекрасным памятником ольвийского косторезного искусства, любезно предоставленном нам А.В. Бураковым и происходящем из Нижнего города Ольвии (случайная находка) неясного, возможно, римского времени, дает нам выразительные образцы использования этого знака (перед этим шла речь о знаке в виде *дельты* в монограммах. – А.Р.) в сочетании с другими (загадочными) знаками» (Лапин 1978, 337, рис. 24).

¹¹² Яйленко 1987а, 152–153.

ного времени указывает на их преемственность, живучесть традиций в сарматских родах, несмотря на восприятие в общих чертах образа жизни ольвиополитов, их государственного устройства и культов главных богов. В связи с этим вряд ли следует уверенно утверждать, что наличие сарматских знаков в Ольвии может свидетельствовать исключительно о контактах между ольвиополитами и обитавшими у ее границ сарматами¹¹³.

Естественно, затронутые автором вопросы о достоверности свидетельств Диона об Ольвии и наличии варваров в ее гражданской общине времени его визита достаточно сложные, вследствие чего в научной литературе и существуют разногласия, субъективные мнения, не подтвержденные высказывания и разные методические подходы к их решению, что, однако, нисколько не умаляет значения работ многих ученых. Благодаря их исследованиям считается, что в ранний период истории послегетской Ольвии в ее весьма консервативно настроенной гражданской общине были еще очень сильны эллинские обычаи. Судя по всему, ольвиополиты противопоставляли себя варварам, гордились своим эллинским происхождением, сохранением отчих традиций и языка. Сравнительный анализ ономастики Ольвии II в. до н.э., в частности огромного списка имен ольвиополитов¹¹⁴, показывает, что среди них не было ни одного носителя варварского имени, как и моды заимствовать такие имена у скифов или лесостепных земледельцев, с которыми они контактировали на протяжении многих веков. Только ради сохранения города и улучшения его благосостояния ольвийские граждане, возможно, в чрезвычайной ситуации под давлением государственных деятелей, вынуждены были нарушить свои полисные традиции и принять в свой коллектив представителей варварского происхождения, но, очевидно, с особым условием соблюдения ими эллинских законов и обычаев.

Кроме того, как видно из многих факторов развития государственности и культуры Ольвии, ее граждане вряд ли поселились бы в своем опустошенном городе лишь потому, что этого хотели скифы, к тому же спустя десятилетия. Движущей силой для их возвращения в духовно-нравственном и психологическом аспектах были прежде всего полисные традиции единства гражданской общины, патриотизм, любовь к своей отчизне и свобода. На этой земле они оставались полноправными гражданами, государственными деятелями и хозяевами собственных земельных участков, а не беженцами или эмигрантами без политических прав. Только здесь они могли почитать свои божества, сохранять родовые обычаи и обряды, проводить собственную внешнюю политику, воспитывать детей согласно давним полисным правилам. Высокое моральное осознание гражданского единства четко проявилось в демотиконе «счастливые граждане» (ΟΛΒΙΟΠΟΛΙΤΑΙ), которым они гордились и хранили его в неизменном виде на протяжении всей истории своего города¹¹⁵. Понятие «счастье», заложенное в основу названия полиса и его гражданского коллектива еще в VI в. до н.э. дидимским оракулом Аполлона, вероятно, передавалось из поколения к поколению и навсегда вошло в сознание многих ольвиополитов.

¹¹³ Крапивина 2011, 488; 2011а, 199–201. Отрицая какое-либо нахождение сармат в городе или их влияние на ольвийскую культуру, Крапивина вместе с этим противоречит своим взглядам, считая, что «имитации сарматских знаков ольвиополитами могли быть как точными их копиями, так и отражать фантазии местного мастера» (Крапивина 2011а, 200–211).

¹¹⁴ IOSPE. I². 201.

¹¹⁵ Русяева 1992, 238; Русяева 1998, 110.

Эллинская культура в Ольвии продолжала развиваться в своем многоплановом разнообразии и в первые века нашей эры. Необходимо также обратить внимание и на то, что в почетных декретах II в. н.э., как и в предшествующих, постоянно указывалось на благородство происхождения чествуемых ольвиополитов, на их хорошее воспитание и поведение, честное служение отчизне, а также безукоризненное выполнение общественных служб сообразно с «достоинством рода», что дало возможность утверждать о наличии в Ольвии аристократических семейств, представители которых занимали высшие посты в государстве как в догетский, так в особенности послегетский периоды¹¹⁶. Главными создателями и хранителями ольвийской, эллинской в своей основе культуры, естественно, были ольвиополиты – эллины по происхождению, которые, несмотря на войны и разорения, периодические потери хоры, многовековые контакты с различными варварскими племенами, наличие определенных иноэтнических групп в городе и в его сельской округе, сумели сохранить свой язык, культурные и религиозные традиции, этические нормы и моральные принципы, демократическое устройство и миролюбивую внешнюю политику.

В заключение остается добавить, что авторские рассуждения и гипотезы о несинхронности даты визита Диона с ольвийскими эпиграфическими источниками об архонтах, стратегах, агораномах, т.е. ежегодно избираемых на народном собрании магистратах с негреческими, в большинстве иранскими именами, несомненно нуждаются в дальнейшем комплексном исследовании. И все-таки даже краткое рассмотрение отдельных свидетельств из рассказа Диона об Ольвии в сопоставлении с данными эпиграфических источников позволяет думать, что здесь он не увидел граждан с иранскими именами, а вместе с этим и каменных стел с посвятельными надписями верховным греческим божествам. В связи с этим можно также предполагать, что все изменения в городе произошли уже после его отъезда, когда начался совершенно новый этап в его историческом и культурном развитии. Для полной же уверенности необходимо точное определение конкретных дат визитов ритора в Ольвию и Прусу, а также, что особенно важно, уточнение датировок монет и эпиграфических памятников с негреческими именами, выяснение их первоначального появления в сравнении с синхронными источниками материальной и духовной культуры ольвиополитов на протяжении совсем непродолжительного отрезка времени: последних двух десятилетий I в. и начала II в. н.э., что, конечно, весьма затруднительно.

В общем же высказанные здесь взгляды о сравнительно кратком периоде в истории самого отдаленного от главных античных центров эллинском городе, чему во многом способствовали отдельные свидетельства Диона в «Борисфенитской речи», не противоречат одному из важнейших выводов Виноградова: «Ольвия не представляла собой “медвежьего угла” эллинской ойкумены: ее судьбы были тесно переплетены с судьбами всего греческого мира, ее развитие шло в ногу со временем, проходя те же стадии и порождая те же феномены, которые были присущи полисам Средиземноморья и Причерноморья. Однако все это не лишало Ольвийский полис свойственного ему неповторимого своеобразия, вызванного к жизни вполне определенной экологической, этнополитической и конкретно-исторической обстановкой»¹¹⁷. Неповторимое своеобразие было во многом характерно и для возродившейся после гетского разгрома Ольвии, соседствующей

¹¹⁶ Латышев 1887, 214–216; Виноградов 1989, 220; 1996, 125, 133–136.

¹¹⁷ Виноградов 1989, 273.

и близко контактирующей с разными сарматскими племенами, неоднократно совершавшими походы к границам Римской империи в Подунавье, и периодически подвергавшейся нападением отдельных вражеских групп. Невозможность собственными силами защитить свой город стало причиной появления в его правящей элите граждан с ирано-сарматскими именами. С этого времени начался новый этап культурно-исторического развития Ольвии, вызванного внешними и внутренними обстоятельствами, а в целом сложившейся военно-политической обстановкой в первые века нашей эры.

Литература

1. Анохин В.А. 1989: Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.
2. Блаватская Т.В. 1952: Западнопонтийские города в VI–I веках до нашей эры. М.
3. Блаватский В.Д. 1949: Северопонтийские города в конце II – I в. до н.э. // Вестник МГУ. 7, 53–59.
4. Блаватский В.Д. 1985: Античная археология и история. М.
5. Браунд Д. 1991: Діон Хрiсостом, торгiвля Ольвii та ольвійська «тавро-скіфська вiйна» // Археологія. 3, 25–30.
6. Браунд Д. 1999: Сообщение об Ольвии Диона Хрисостома: литературная традиция и философские представления // Древнейшие государства Восточной Европы /А.В. Подосинов (ред.). М., 271–282.
7. Буйских С.Б. 1991: Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев.
8. Былкова В.П. 2007: Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон.
9. Виноградов Ю.Г. 1969: Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 3, 142–150.
10. Виноградов Ю.Г. 1976: О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира / Н.И. Сокольский, И.Б. Брашинский, К.С. Горбунова и др. (ред.). М., 75–84.
11. Виноградов Ю.Г. 1989: Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.
12. Виноградов Ю.Г. 1994: Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 2, 151–170.
13. Виноградов Ю.Г. 1996: Ольвийская элита императорской эпохи (по эпиграфическим документам из собрания ОАМ: *HO 100 + IOSPE. P. 309; 221*) // *Hyperboreus. Vol. 2. Fasc. 2*, 125–136.
14. Гаврилюк Н.А., Крапивина В.В. 2005: Нижнеднепровские городища (к проблеме возникновения и развития) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: периоды дестабилизаций, катастроф (Боспорские чтения VI). Керчь, 66–72.
15. Гайдукевич В.Ф. 1955: История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья / В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.) М.–Л., 23–147.
16. Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И. 1951: К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 15, 162–187.
17. Денисова В.И. 1988: Памятник с сарматскими знаками из Ольвии // Тез. докл. Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь, 237.
18. Драчук В.С. 1975: Системы знаков Северного Причерноморья. Киев.
19. Древняя Русь 2009: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 1 / Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов (ред.) М.
20. Златковская Т.Д. 1955: Племенной союз гетов под руководством Бурбисты // ВДИ. 2, 73–91.
21. Зубар В.М. 1996: Ще раз про етнічій склад населення Ольвii в перших столiттях нашої ери // Археологія. 4, 127–136.
22. Зубарь В.М. 1998: Северный Понт и Римская империя. Киев.
23. Зубарь В.М., Сон Н.А. 2007: Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Симферополь.
24. Иванчик А.И., Крапивина В.В. 2007: Римский военный диплом 157 г., выданный матросу Флавиева Мезийского флота // Древности Северного Причерноморья в античное время / В.Н. Зинько, В.В. Крапивина (ред.). Симферополь, 66–83.
25. Карышковский П.О. 1967: Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. II (35), 75–90.

26. *Карышковский П.О.* 1986: Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н.э. // *Античная культура Северного Причерноморья и первые века нашей эры* / В.А. Анохин (ред.) Киев, 25–36.
27. *Карышковский П.О.* 1988: Монеты Ольвии. Киев.
28. *Карышковский П.О.* 1993: Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // *ВДИ.* 1, 73–96.
29. *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* 1985: Древний город Тира. Киев.
30. *Книпович Т.Н.* 1956: Население Ольвии в VI–I вв. до н.э. по данным эпиграфики // *МИА.* 50, 119–153.
31. *Козуб Ю.И.* 1984: Историческая топография некрополя Ольвии // *Античная культура Северного Причерноморья* / С.Д. Крыжицкий (ред.). Киев, 156–173.
32. *Кратівіна В.В.* 1988: До політичної історії Ольвії середини I ст. до н.е. // *Археологія.* 63, 12–19.
33. *Кратівіна В.В.* 1991: З приводу статті Д. Браунда // *Археологія.* 3, 31–33.
34. *Кратівіна В.В.* 1993: Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев.
35. *Кратівіна В.В.* 1994: Про етнічний склад населення Ольвії в перші століття нової ери // *Археологія.* 2, 123–129.
36. *Кратівіна В.В.* 1999: Нижнее Побужье в греко-римское время // *С.Д. Крыжицкий, А.С. Русяева, В.В. Кратівіна, Н.А. Лейтунская, М.В. Скржинская, В.А. Анохин.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 230–324.
37. *Кратівіна В.В.* 2005: О соотношении письменных и археологических источников на примере Ольвии I в. до н.э. – III в. н.э. // *Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы Международной научной конференции* / В.Ю. Зуев, М.В. Вахтина и др. (ред.). СПб., 186–192.
38. *Кратівіна В.В.* 2007: Ольвия и ее роль в эллинизации населения Побужья и Поднепровья // *Античный мир и варвары на юге России и Украины* / А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (ред.). Москва–Киев–Запорожье, 5–17.
39. *Кратівіна В.В.* 2011: Об этническом составе населения Ольвии в первые века н.э. (к проблеме корреляции данных археологии и лингвистики) // *Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы Международной научной конференции.* СПб., 485–492.
40. *Кратівіна В.В.* 2011а: О предметах с сарматскими знаками из Ольвии // *Боспорские чтения.* XII. Керчь, 199–202.
41. *Крыжицкий С.Д.* 1985: Ольвия: историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев.
42. *Крыжицкий С.Д.* 1993: Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
43. *Крыжицкий С.Д., Лейтунська Н.О., Кратівіна В.В.* 1994: Головні етапи історичного розвитку Ольвії // *Археологія.* 2, 18–44.
44. *Крюгер О.О.* 1925: Эпиграфические мелочи // *ИРАИМК.* IV, 81–90.
45. *Латин В.В.* 1978: Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации. НА ИА НАНУ. Фонд 24.
46. *Латышев В.В.* 1887: Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
47. *Леви Е.И.* 1984: Ольвия // *Античные государства Северного Причерноморья* / Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.). М., 34–40.
48. *Леви Е.И.* 1985: Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.
49. *Нахов И.М.* 1982: Философия киников. М.
50. *Нахов И.М.* 1984: Очерк истории кинической философии // *Антология кинизма* / А.А. Тахо-Годи (ред.). М., 5–52.
51. *Подосинов А.В.* 1979: Овидий и Дион Хрисостом о варваризации греческих городов Северо-Западного Понта в I в. н.э. // *Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода.* М., 19–32.
52. *Подосинов А.В.* 1984: Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1983 г.* / В.Т. Пашуто (ред.). М., 8–178.
53. *Подосинов А.В.* 2005: Письменный источник и археология (на примере Борисфенитской речи Диона Хрисостома) // *Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы Международной научной конференции* / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 9–16.
54. *Раевский Д.С.* 1973: К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. – II в. н.э.) // *ВДИ.* 2, 110–120.
55. *Ростовцев М.И.* 1915: Военная оккупация Ольвии римлянами // *ИАК.* 58, 1–16.
56. *Русяева А.С.* 1982: Негрецькі елементи в релігії Ольвії римського часу // *Археологія.* 37, 3–16.

57. *Русяева А.С.* 1986: О культурной жизни Ольвии послегетского времени // Античная культура Северного Причерноморья и первые века нашей эры / В.А. Анохин (ред.) Киев, 3–25.
58. *Русяева А.С.* 1989: До історії взаємовідносин Ольвії з сарматами // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доповідей / П.П. Толочко (ред.) Киев, 192–193.
59. *Русяева А.С.* 1992: Религия и культы античной Ольвии. Киев.
60. *Русяева А.С.* 1995: Ольвійсько-сарматські відносини у другій половині I ст. н.е. // Археологія. 4, 24–37.
61. *Русяева А.С.* 1998: «Борисфенітська промова» Діона Хрисостома як критерій для висвітлення деяких аспектів історії Ольвії // Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького / О. Пономарів (ред.) Киев, 107–116.
62. *Русяева А.С.* 1998а: К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1, 160–170.
63. *Русяева А.С.* 1999: Население Ольвии // С.Д. Крыжицкий, А.С. Русяева, В.В. Кративина и др. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 391–471.
64. *Русяева А.С., Кративина В.В.* 1993: До історії Ольвії IV–I ст. до н.е. // Археологія. 4, 17–34.
65. *Русяева А.С., Супруненко А.Б.* 2003: Исторические личности эллино-скифской эпохи (культурно-политические контакты и взаимовлияния). Киев–Комсомольск.
66. *Симоненко А.В.* 1999: Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія. 1, 106–118.
67. *Симоненко А.В., Лобай В.И.* 1991: Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев.
68. *Скржинская М.В.* 1981: О происхождении названия города Ольвии // ВДИ. 3, 142–147.
69. *Скржинская М.В.* 1994: Ольвия в давньогрецьких і латинських писемних джерелах // Археологія. 2, 130–140.
70. *Славин Л.М.* 1967: Здесь был город Ольвия. Киев.
71. *Соломоник Э.И.* 1959: Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.
72. *Тохтасьев С.Р.* 2012: Северное Причерноморье. Этническая и демографическая история (по данным эпиграфики и ономастики) (в печати).
73. *Трофимова М.К.* 1959: О некоторых источниковедческих проблемах XXXVI (Борисфенитской) речи Диона Хрисостома // ВДИ. 3, 151–162.
74. *Шелов Д.Б.* 1981: Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 4, 52–63.
75. *Яйленко В.П.* 1985: Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник / Т.В. Блаватская (ред.). М., 161–237.
76. *Яйленко В.П.* 1987: Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья / А.И. Павловская (ред.). М., 4–105.
77. *Яйленко В.П.* 1987а: Несколько греческих граффити и «сарматская» надпись с Березани // Античная балканистика / Л.А. Гиндин (ред.). М., 147–154.
78. *Bäßler B.* 2007: Dio Chrysostom's Construction of Olbia // Classical Olbia and the Scythian World From the Sixth Century BC to the Second Century AD / D. Braund, S.D. Kryzhitskiy (eds.). Oxf., 145–160.
79. *Çiğın I.H.* 1978: Burebista and His Time. Bucureşti.
80. *Hupe J.* 2006: Die olbische Achilleus-Verehrung in der römische Kaiserzeit // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonization bis in die römische Kaiserzeit / J. Hupe (Hrsg.) (Internationale Archäologie, 94). Rahden/Westf., 165–240.
81. *Ivanchik A., Krapivina V.* 2007: Nouvelles données sur le collège des agoranomes d'Olbia de l'époque romaine // Une koine pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p.C.) / A. Bresson, A. Ivanchik, J.-L. Ferrary (eds.). Bordeaux, 111–123.
82. *Jones C.P.* 1978: The Roman World of Dio Chrysostom. Cambr. (Mass).
83. *Petre A.* 1971: Cucireia oraşelor pontice de catre Burebista // Pontica. 4, 97–104.
84. *Rusjaeva A.S.* 2006: Forschungsgeschichte des Achilleus-Kultes in der russischen und ukrainischen Wissenschaft // Der Achilleus-Kult... 19–47.
85. *Russell D.A.* 1992: Dio Chrysostom: Orations VII, XII, XXXVI. Cambr.
86. *Vinogradov Ju.* 1981: Olbia. Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer // Xenia. Konstanz.
87. *Vinogradov Ju.G.* 1997: Pontische Studien: kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz.
88. *Wasowicz A.* 1975: Olbia Pontique et son territoire. Besançon–Paris.

ON THE RELIABILITY OF DIO CHRYSOSTOM'S ACCOUNT OF BARBARIANS IN OLBIA PONTICA

A. S. Rusyayeva

The paper turns to some disputable questions dealing with certain events and dates: Dio Chrysostom's visit to Olbia, recitation of the Borysthenitic Discourse in Prusa and the time of the Getic invasion. The author discusses Yu.V. Vinogradov's, S.D. Kryzhitsky's and V.V. Krapivina's ideas considering the reliability of the information on Olbia, its citizens and the barbarians given in the introductory part of the speech as compared to archaeological sources. Special attention is paid to the erroneous parallels drawn between the large number of barbarians mentioned by Dio and Olbian epigraphic monuments, most of which are not contemporary to Dio's account. The existing data allow the author to suppose that Dio's visit to Olbia could be regarded as a starting point of a new period of its historical development and the basis for the assessment of deep changes which took place in the late 1st and early 2nd centuries BC in Olbia's political and cultural life after Dio's departure, when bearers of non-Greek, mainly Irano-Sarmatian names appeared among not only the citizens, but also the city elite. These ethnical and political changes, however, did not imply a sarmatization or barbarization of Olbian cultural life in the first centuries of the Christian era.

Keywords: Dio Chrysostom, Borysthenitic Discourse, Borysthenes, Olbia, Borysthenites, civic community, Iranian names, Sarmatians, post-Getic period.

© 2013 г.

С. Ю. Сапрыкин, А. В. Куликов

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МОНЕТНОЙ РЕФОРМЕ САВРОМАТА II НА БОСПОРЕ*

Статья представляет собой публикацию свинцовой гири-разновеса, датирующей концом II в. н.э., весом в половину либры, на которую нанесены три надписи, означающие стоимость товара. Они дают одну цифру, равную 192 унциям, что соответствовало цене за количество товара в римском исчислении весовых и денежных единиц. Надписи отражают эту стоимость в различных номиналах медных монет, обращавшихся в Боспорском царстве после денежной реформы царя Савромата II.

Ключевые слова: Боспорское царство, Савромат II, Римская империя, денарий, асс, драхма, гири-разновесы, либра, пол-либры, унция, дупондий, сестерций.

Сапрыкин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

Куликов Алексей Владиславович – младший научный сотрудник Отдела полевых исследований Крымского филиала Института археологии НАН Украины, сотрудник Керченского музея.

*Статья подготовлена в рамках проектов «Материальное и духовное в повседневной жизни населения античного Боспора» (РГНФ № 12-01-00122а) и «Магические надписи античного Северного Причерноморья» (РГНФ № 12-01-00116а).